

истины — современных фарисеев, которые скрывают свое нечестие за притворными, показными добродетелями. «Не все бо те христиане суть, которые крестом знаменуются, в церковь ходят, имя Божие и Христово исповедуют и прочие знаки христианства покажут»¹. Для выявления таких лжехристиан св. Тихон Задонский рекомендует пользоваться евангельским критерием: «По плодам их узнаете их» (Мф. 7, 16—20). Святитель, согласно евангельскому учению, обращал внимание своих современников, искренне желающих жить о Господе, на необходимость очищения своего сердца. «Сердце есть начало и корень всех деяний наших. Что бо ни делаем внутри и вне нас сердцем делаем — или добро, или зло. Сердцем веруем или не веруем, сердцем любим или ненавидим; сердцем смиряемся или гордимся; сердцем терпим или ропщем... Чего на сердце нет, того и в самой вещи нет. Вера не есть вера, любовь не есть любовь, когда на сердце не имеется, но есть лицемерие»². Очищение нашего сердца от скверны грехов благодатно совершает Святой Дух, который и соединяет нас со Христом. «Кто Дух Христов имеет, тот мыслит то, что Христос, поучается в том, что Христу угодно; ищет и хочет того, что хочет Христос; тшится делать то, чего требует Христос»³. Таковы некоторые характерные мысли святителя Тихона Задонского о духовной жизни христиан.

В заключение настоящего доклада можно сказать, что духовность Православия следует понимать как проявление всемогущей благодати Божией в жизни и деятельности богоизбранных последователей Христа, которые святились Святым Духом и этим светом Божественным влекли всех, желающих спасения, в «Церковь Бога Живаго», которая есть «столп и утверждение истины», показывали, как подобает жить «в доме Божием» и совершать свое спасение (1 Тим. 3, 15).

В настоящем нашем собеседовании мне еще хочется сказать, что как дело взаимного общения, так и пути к нему должны исходить из высокого христианского долга, из сознания особой миссии христиан и всех людей доброй воли. Христианская добрая воля, т. е. желание жить в мире и единении друг с другом, священна. В достижении этой высокой и благородной цели мы должны использовать положительный опыт своих Церквей. В каждой Церкви есть богатое положительное наследие — опыт; есть выдающиеся люди, раскрывшие в своих творениях и осуществившие в своей жизни высокий евангельский идеал мира и любви друг к другу. Мы с искренностью и сердечностью желаем поделиться великим наследием Православия, богатством православной богословской мысли, глубоким духовным опытом христианской жизни, покоряющей красотой и возвышенностью православного богослужения. Вместе с тем мы с радостью прислушиваемся и знакомимся с наследием других христианских исповеданий. Мы верим и надеемся, что всем, искренне желающим жить в мире и единстве, всем, ищущим истину, будет не тесно в наших сердцах, ибо сердца наши, по слову Апостола, расширены, и мы щедро и любвеобильно готовы открыть и показать миру духовные сокровища Православия.

Профессор Ф. фон ЛИЛИЕНФЕЛЬД (Эрланген)

ОБРАЗЦЫ ЕВАНГЕЛИЧЕСКОГО БЛАГОЧЕСТИЯ В XX ВЕКЕ

«Возлюбим друг друга, да единомыслием исповедаем Отца, и Сына, и Святого Духа...» — говорится в православной литургии. С экуменической точки зрения, это весьма достопримечательное предложение, ибо в нем названа та предпосылка объединения разделенных христиан, которую мы иногда не видим, когда стремимся к сближению и согласию в «Вере и церковном устройстве», к совместной деятельности христиан в современном мире. Чтобы действительно исповедовать нашу веру в подлинном общении друг с другом, нужна братская любовь. Однако, чтобы любить друг друга, необходимо знать и понимать друг друга. И все же дело оборачивается так, что именно в сфере жизненного благочестия, в повседневных жизненных выражениях веры членов Церквей наших мы кажемся друг другу далекими, чужими и мало понимаем друг друга.

Выражения благочестия православных братьев кажутся евангелическому христианину, насколько он может наблюдать их в храме Божием, подчас «слишком внешними и слишком обрядовыми»; напротив, евангелическая набожность представляется православному христианину «слишком скупой, слишком обедненной»; ему кажется, что ей не хватает глубины чувства и истинного благоговения.

Однако согласимся, что такие наблюдения имеют поверхностный характер и что о подлинном благочестии можно судить там, где мы познаём, в какой степени вся жизнь христианина носит отпечаток его веры в Бога Отца, спасающего во Христе Иисусе и подающего жизнь в Духе Святом.

¹ Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. Изд. 6-е. М., 1899, т. III, с. 100.

² Там же, т. II, с. 120—121.

³ Там же, т. III, с. 166.

Поэтому хорошо, что мы решили, чтобы обе Церкви обоюдно рассказали здесь о тех персонажах своей истории, в которых они усматривают особое проявление новой, дарованной во Христе жизни.

Русская Православная Церковь, наверное, изберет при этом образцы христианского совершенства, которые она находит в житиях своих святых. Здесь следует напомнить, что и Евангелическая Церковь считает полезным изучать жизнь святых. В Аугсбургском исповедании, в статье XXI, говорится: «О воспеании святых мы учим, что следует вспоминать святых для того, чтобы укреплять нашу веру, чтобы мы видели, как они сподобились благодати, как вера помогла им, чтобы брать пример с их добрых дел, каждому в своем призвании...»; а в «Наставлении посетителям» (WA XXVI, 224, 28) говорится: «Святых следует искренно почитать, чтобы мы знали, что они поставлены зеркалом Божественной благодати... Тем самым люди должны вдохновляться примером святых для веры и добрых дел».

В то время как отцы реформации — а, следуя за ними, довольно часто и мы — называют великих людей древней и средневековой Церкви святыми: «св. Афанасий», «св. Василий», «св. Августин» и т. д., мы больше не употребляем этот титул для деятелей нашей соборной евангелической традиции, поскольку у нас нет церковного установления «канонизации». Однако это не означает, что мы не знаем или забыли функцию святых для нашего христианского сознания, как она отображена в конфессиональных сочинениях нашей Церкви. Уже Мартин Лютер не стеснялся говорить о «св. Яне Гусе», хотя этот человек был осужден Констанцским Собором и сожжен на костре. Он утверждал, что Гус своим учением, жизнью и смертью образцово засвидетельствовал святое Евангелие.

Да и сегодня в наших общинах аналогичные взгляды имеют место: есть такие евангелические личности, которые считаются не просто великими, значительными и действенными в церковноисторическом смысле, но являются в особом смысле образцами христианской жизни, люди, о которых мы думаем, что они изобильно познали милость Божию и что Бог принимает их в Свое Царство.

Дорогие православные братья! Для того, чтобы немного познакомить вас с благочестивой жизнью наших евангелических христиан, я представлю вам вкратце трех человек из самого недавнего прошлого, деятельность которых имела огромные последствия для решения конкретных вопросов жизни евангелических христиан и которые поныне являются образцами евангелической жизни. Я избрала трех (хотя это и займет много времени) потому, что иначе было бы невозможно представить широкое многообразие современного евангелического благочестия и хотя бы наполовину справиться с отображением его важнейших видов.

Итак, в качестве ведущих фигур евангелической духовности я выбрала Кристофа Блумхардта Младшего, Альберта Швейцера и Дитриха Бонхёффера. Из-за ограниченности времени, я попытаюсь как можно короче описать и затем охарактеризовать жизнь этих трех мужей, объяснив, почему именно они представляются мне наиболее действенными образцами евангелического благочестия.

I. Кристоф Блумхардт (1842—1919)

а) Нельзя говорить о Кристофе Блумхардте, не упомянув при этом хотя бы кратко о его отце (1806—1880), который был пастором в Мёттлингене (Вюртемберг). Там он получил дар исцелять своей молитвой многих больных и вести свою общину по пути деятельной благочестивой жизни. Приток людей, искавших у него помощи в телесных и душевных недугах, был настолько велик, что он основал в Бад-Болле особый центр христианской жизни, где многие укреплялись верой и пользовались пастырской поддержкой. От pietистов движения Пробуждения в прошлом веке уже Блумхардт-отец отличался большой тактичностью: он не столько занимался больными лично, сколько побуждал их побольше принимать участие в жизни и богослужении прихода, тем самым предотвращая явления истерического эгоцентризма. Он молился за них в тиши не в стиле публичного экзорцизма, а в надежде на грядущее Царство Божие для всего мира, а не только для набожных членов Церкви. Он был уверен в том, что животворящий Дух Божий хочет блага всему миру и действует не только в Церкви, но и за ее пределами.

Сын его — Кристоф Блумхардт вырос в атмосфере опыта веры и надежды своего отца. Он изучал богословие в Тюбингене. После нескольких лет служения в поместной Вюртембергской Церкви он присоединился к своему отцу в Бад-Болле и после его смерти стал его преемником. Как и отец, он был убежден, что Святой Дух поведет мир через дарованное в Иисусе искупление к Царству Божию здесь, на земле, вопреки всякому инстинкту трусливого самосохранения, вопреки всякому эгоизму — прищипуемому и христианам, и в частности — официальной Церкви. Поэтому он был убежден, что охваченный победоносным благовестием Иисуса человек должен умереть для мира, для «плоти», чтобы жить с Христом в новой жизни. Но это не означало для него враждебности к миру: он интересовался всеми достижениями современной науки и воспринимал их как дар Божий. Его особенно волновала судьба рабочего класса в капиталистическом индустриальном обществе. Хотя в те времена в церковных кругах социал-демократию отождествляли с атеизмом и хотя марксистские вожди рабочего движения отрицательно относились к Церкви и к христианской вере, Кристоф Блумхардт в 1899 г. вступил в социал-демократическую партию, чтобы во имя Хри-

стовой заповеди любви сделать дело бесправных рабочих своим делом. С 1900 до 1906 г. он был депутатом социал-демократической партии в Бюртембергском ландтаге. Этот шаг не нашел понимания со стороны многих набожных людей его окружения и его поместной Церкви. Никогда не получавший пасторского жалования, он утратил права клирика своей Церкви. Несмотря на это, для людей, приезжавших в Бад-Болля из ближних и дальних мест, он до конца жизни оставался «господином пастором» и сохранил духовный авторитет харизматического проповедника, душепопечителя и молитвенника, молитвенное предстательство которого засвидетельствовано многими людьми как помогающее и спасительное при телесных и душевных невзгодах.

6) Чему же обязан Кристоф Блумхардт тем, что его воздействие вышло далеко за пределы набожной пиегистской Швабии? С его деятельностью связано возникновение других общин — центров христианского душепопечения, например, общины Иоганнеса Мюллера в замке Эльмау. Движение «религиозного социализма» (Рарац) так же связано с импульсами, исходившими из Бад-Болля, как и движение «диалектического богословия», сгруппировавшееся вокруг журнала «Между эпохами» («Zwischen den Zeiten»). Попытаемся выделить в деятельности Блумхардта некоторые важные элементы:

1. В мире так называемого «культурного протестантизма», который описывал христианство в категориях мышления немецкого идеализма как мировоззрение, как дидактическую систему, как идеологию определенной культуры, оба Блумхардта засвидетельствовали такую форму христианской жизни, которая протекает под непосредственным воздействием слова Божия, в сознании личной ответственности перед Господом.

2. При этом жизнь, страдания и смерть Иисуса не были для Блумхардта чем-то происходившим в далеком прошлом, но через воскресение Иисуса Христа оказывали непреходящее спасающее воздействие. При этом задача христианской общины заключалась для него в том, чтобы повсюду актуализировать освободительное, спасающее воздействие слова и дела Иисусова в посланничестве Святого Духа. Лозунг Блумхардта-отца «Иисус — Победитель всех невзгод людей и человечества» — сын истолковывает как проявление пребывающей животворящей силы воскресения Иисуса в Духе Святом.

3. То, что официальные поместные Церкви не были готовы предоставить себя преобразующему воздействию Святого Духа, приводит Блумхардта к выводу, что существует «набожный» эгоизм. И тогда он определяет религию как выражение такого «набожного» эгоизма и эгоцентризма, который внутренне эмигрирует в особый «набожный» мир, где удовлетворяют благочестивые чувства, но одновременно прятуются от зова Бога, желающего Царство Свое принести к нам на землю. Альтернативой такой (ложной) «религиозности» является для него открытость веры, усматривающей для себя в мире широкое поле деятельности, полноценного свидетельства спасающей воли Божией.

4. Конечно, именно сотрудничество с социал-демократами и диалог с нехристианскими представителями гуманистической веры в прогресс все больше и больше побуждали Блумхардта предостерегать людей от того, что «они сами могут создать счастливое человечество». Без преобразования людей благодатью Божией, без умерщвления греха и без новой жизни в Господе это ему представлялось невозможным. Истинной справедливостью, которой жаждут люди, была для него совершенная справедливость Божия. Она же являлась и великой надеждой человечества, которая осуществляется в Царстве Божием. Приведем, наконец, собственные слова Кристофа Блумхардта: «...Даже благородные умы открыто заявляют..., что Христос якобы не имеет ничего общего с формированием человеческих отношений на земле и направляет мысли людей на незримое... Но истина заключается как раз в обратном: Христос воплотился для того, чтобы разрушить плотской мир и воздвигнуть на земле дело Божие...»¹.

«Иисус пришел в наш мир как Агнец», т. е. в абсолютной покорности воле Божией даже до смерти. «Агнец» означает отказ от всего, что достигается людьми... Смерть Иисуса — это не героическая смерть в мирском смысле. Бывает героизм, который как бы своенравно отказывается от жизни, чтобы прочно закрепиться в какой-то идее или в образе жизни. Однако энергия Иисуса — не упорство, а действительная сила. В этом — чудо креста Иисусова. Поэтому Его путь — не человеческий, а Божественный»².

«Что же является основным в Царстве Божием, его средоточием? ...Воскресение! Откровение Божие в Воскресении... Я не знаю ничего, что испугало бы меня в мире, когда подумаю: Иисус жив! Ни народ, ни общество, ни история, ни беспорядок, ни жизнь и смерть безбожников, непонимающих, далеких людей — ничто не может каким-либо образом запугать. Никакое искушение, никакое сердечное горе, никакая болезнь, ничто абсолютно — пусть будет, что угодно... Иисус жив и жив так, как написано, как Воскресший... можно и самому что-то сделать, но все это ничто. Нет! Нет!

¹ «Gedanken aus dem Reiche Gottes, im Anschluß an die Geschichte von Möttlingen und Bad Boll und unsere heutige Stellung». Ein vertrauliches Wort an seine Freunde von Christoph Blumhardt. Bad-Boll, 1895, S. 200.

² Там же, с. 66, 70.

Нет! Только сила воскресения, в котором мы видим Его грядущего на облаках в славе Отчей; только Воскресший и Явившийся берет свыше в Свои руки весь мир...»¹.

II. Альберт Швейцер (1875—1965)

а) Альберт Швейцер родился в Кайзерсберге (Верхний Эльзас) и, в силу своего эльзасского происхождения, принадлежит как к немецкому, так и к французскому протестантизму, так же к немецкой, как и к французской истории философии и музыки. И хотя его богословские труды относятся преимущественно к немецкой «либеральной» традиции, результат его творчества стал достоянием всего человечества.

Однако благодаря тому, что его теоретическая мысль и практическая деятельность составляли единое целое, он стал также образцом евангелического благочестия. Изучив богословие в Страсбурге, одаренный молодой богослов получил ученую степень, а через несколько лет и доцентуру. С 1902 г. он был приват-доцентом Страсбургского университета по Новому Завету. В то время как он исключительно успешно и плодотворно работал в области изучения Нового Завета — за короткое время написал подряд три книги, одна из которых сделалась классической: «История исследования жизни Иисуса» (1906), — в нем созрело радикальное решение: изучить медицину и в качестве врача уехать в Экваториальную Африку. В этом не было разочарования в богословии, недовольства тогдашним средним уровнем евангелического богословия; в этом случае Швейцер мог бы с тем же успехом избрать профессию концертмейстера-органиста как основную — ведь он принадлежал к ведущим органистам Европы. Он мог бы стать ученым музыковедом, так как к тому времени был готов его капитальный труд об И. С. Бахе. К тому же он почти каждое воскресенье с удовольствием проповедовал в страсбургском храме св. Николая. Нет, его решение обосновывалось более глубокими мотивами: «План, который теперь собрался осуществить, я вынашивал в себе уже долгое время. Его возникновение относится еще к моим студенческим годам. Мне представлялось непостижимым, что я, видя вокруг себя так много людей в борьбе со страданиями и заботами, мог вести счастливую жизнь... Одним ярким летним утром, когда я проснулся — это было в 1896 г. в Гюнцбахе² во время каникул по случаю праздника Троицы — меня ошеломила мысль о том, что я не смею принимать это счастье как нечто само собою разумеющееся, а должен что-нибудь и отдавать за него. Снаружи пели птицы. Занимаясь этой мыслью прежде чем встать с постели, я сам про себя спокойно решил, что до 30-летнего возраста я буду считать себя вправе посвящать себя науке и искусству, чтобы после этого рубежа жить непосредственно для служения человечеству. Меня чрезвычайно занимало и то, какое значение имеет для меня лично слово Иисуса: «Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее». Теперь это значение было найдено. Кроме внешнего счастья, я владел теперь и внутренним.

Какого рода будет запланированное мною будущее дело, мне тогда еще не было ясно. Вести себя я представил обстоятельствам. Твердым оставалось только, что это должно быть непосредственно человеческое, пусть даже и малозаметное служение»³.

«Моя мысль... устремлялась к абсолютно личному и независимому действию. Хотя я решился, если будет нужно, поставить себя на службу организации, меня все же не покидала надежда найти в конце концов такую деятельность, которой я смог бы посвятить себя как отдельный и свободный человек. То, что это сильное желание исполнилось, я всегда воспринимал как великую, постоянно переживаемую милость.

Однажды утром, осенью 1904 г., я нашел на своем письменном столе... один из зеленых журналов, в которых Парижское миссионерское общество ежемесячно информировало о своей деятельности... я машинально раскрыл положенный мне на стол вечером, в мое отсутствие, журнал... И тут на глаза мне попала статья под заглавием «В чем нуждается миссия в Конго?» В ней... выражалось сожаление, что в миссии не хватает людей для ее трудов в Габоне — северной провинции колонии Конго. В то же время она выражала надежду, что этот призыв побудит тех, «на ком уже остановился взгляд Учителя», предложить себя для этой весьма необходимой работы. В заключение говорилось: «Церковь нуждается в таких людях, которые на призыв Учителя просто отвечают: «Иду, Господи!»».

Закончив чтение, я спокойно принялся за свою работу. Понскам пришел конец. Несколько месяцев спустя я провел свой 30-й день рождения подобно человеку из притчи, который хочет построить башню и вычисляет, «имеет ли он, что нужно для совершения ее». В результате я решил теперь осуществить свой план чисто человеческого служения в Экваториальной Африке»⁴.

В период наивысшего духовного подъема Альберт Швейцер с 1905 по 1912 г. изучает медицину, продолжает читать лекции на богословском факультете, которые все больше характеризуются дискуссией с методом мышления, свойственного современному естествознанию, изучением сопоставления «мыслительного познания универсального бытия и отношения к нему индивидуального человеческого бытия в гуманитарных науках с познанием, вытекающим из регистрации отдельных проявлений бытия» в

¹ Christoph Blumhardt. Eine Auswahl aus seinen Predigten, Andachten und Schriften. Hrsg. von P. Leigune. B. I. S. 349.

² Родительский пасторский дом в Эльзасе.

³ А. Швейцер. Из моей жизни и мысли. 1931, с. 70 и далее.

⁴ Там же, с. 73 и далее.

естествознании. Наряду с этим проходила широкая концертная деятельность европейского значения. Швейцер сохранил за собою даже воскресные проповеди, несмотря на трудную борьбу с физической усталостью.

Произошла действительно тяжелая разлука с богатыми, излюбленными поприщами деятельности, когда в 1912 г. Швейцер оставил всё, закончил свои последние литературные труды и в качестве молодого врача вместе с молодой женой стал готовиться к отъезду в Африку. В 1913 г. он основал ставшую впоследствии знаменитой тропическую больницу Ламбарене, развернув здесь обширную врачебную деятельность. Начало первой мировой войны усугубило те большие сомнения Альберта Швейцера, которым он уже давно подвергал современную культуру Европы и «белой расы» и ее дальнейшие перспективы.

В настоящей культуре утверждение этого нашего мира и культурного оптимизма должно быть связано с фундаментальной этической позицией, которую, в глазах Швейцера, современная культура все в большей степени утрачивает. «В европейском мышлении нового времени происходит трагедия, заключающаяся в том, что, в результате медленного, но неударного процесса, связи, существующие изначально между позитивным восприятием мира и жизни, с одной стороны, и этикой — с другой, ослабляются и наконец полностью исчезают»¹. «Важнейшее в культуре — это этическое совершенство отдельного человека в обществе... Поколению, которое поверило в имманентный, спонтанный и естественно происходящий прогресс и сочло, будто оно больше не нуждается в этических идеалах, а может идти вперед только на основе умения и знания, ситуация, в которую оно тогда попало (т. е. война), предоставила страшное доказательство заблуждения, в которое оно впадало»².

Восстановление культуры, по Швейцеру, возможно лишь при условии воссоединения научного прогресса и этики. Он искал основной принцип такой этики, которая обеспечила бы возможность указанного воссоединения культурного оптимизма и нравственности.

Аксиома, которую он нашел во время одного утомительного путешествия по Конго, гласила: «Уважение к жизни». «Добро означает: сохранять жизнь, способствовать жизни, придавать величайшую ценность жизни, способной к развитию. Зло — это: уничтожать жизнь, вредить жизни, сковывать жизнь, имеющую задатки развития».

Перед окончанием первой мировой войны (1917 г.) Швейцер был интернирован в одном французском лагере, как гражданское лицо. Там он нашел время развивать далее свою философию культуры. За столом, на котором он рисовал для себя клавиши органа, он упражнялся в органной игре. Поэтому после войны он был в состоянии заработать необходимые средства для продолжения своей работы в Африке путем организации концертов и докладов. В 1924 г. он снова отправился в Ламбарене, который все больше и больше отстраивал в последующие годы.

В 1952 г. Альберт Швейцер получил Нобелевскую премию мира. Этой премией была по достоинству оценена его деятельность, направленная на примирение народов и рас. Он использовал этот случай для того, чтобы в своей благодарственной речи предостеречь человечество от опасности ядерного вооружения и призвать народы к сохранению мира («Проблема мира в современном мире», 1954). С этого времени он постоянно делал подобные воззвания, например, в серии передач радио Ослау зимой 1957/58 г. В 1965 г. окончилась его богатая, плодотворная жизнь.

б) Рассказ о важнейших моментах жизни Альберта Швейцера уже показал, почему его пример столь важен для евангелических христиан. Здесь мы видим органическое единство мысли и действия, которое родилось из серьезного отношения к призыву христианского благовествования любви к ближнему и из благоговения перед творческой силой Бога, Подателя всякой жизни. Самое точное мышление, глубочайшее познания без дел любви, которые следовали бы за ними, казались Швейцеру бесильными и лишенными абсолютного притязания на истину. С другой стороны, чистый активизм без рефлектирующего мышления был для него бессмысленным и безнадёжным делом. Альберт Швейцер умел объединять то и другое в «уважении к жизни» и в служении ей. В этом заключается великое влияние, которое он оказывает и ныне.

III. Дитрих Бонхёффер (1906—1945)

а) Дитрих Бонхёффер был сыном известного психиатра и университетского профессора Карла Бонхёффера. Д. Бонхёффер изучал богословие в Тюбингене и Берлине, а в 1930 г. получил докторскую в Берлинском университете по систематическому богословию. С 1930 по 1931 г. он был доцентом в Федеральной богословской семинарии Нью-Йорка. В 1931 г. он стал студенческим пастором в Берлине и молодежным секретарем Всемирной федерации по сотрудничеству Церквей. В 1933 г. он был пастором в Лондоне. Со времени заседания в г. Фане в 1934 г. он стал членом Всемирного Совета Церквей с совещательным голосом. С 1935 г. он — руководитель проповеднической семинарии Исоведнической Церкви в Финкенвальде. В 1936 г. национал-социалистские административные органы Берлинского университета лишили его ученых степеней (*venia legendi*), как «недостойного». В 1937 г. впервые была распушена про-

¹ А. Швейцер. Из моей жизни и мысли. 1931, с. 133.

² Там же.

поведническая семинария в Финкенвальде. В 1938 г. Бонхёфферу запретили проживать в Берлине. В 1940 г. проповедническая семинария была упразднена во второй раз, и Бонхёффер был лишен права публичных выступлений. В 1941 г. ему запретили также и писать. Несмотря на это, он все же продолжал исполнять обязанности члена братских советов Исповеднической Церкви. Члены его семьи находились в рядах движения Сопротивления против Гитлера; Дитрих Бонхёффер примкнул к ним. В 1942 г. на шведской территории состоялась знаменитая встреча с английским епископом Чичестерским Дж. Беллом, во время которой Бонхёффер попытался через Белла информировать английское правительство о наличии движения Сопротивления. Сегодня мы знаем, что английское правительство не приняло к сведению эту информацию от епископа Белла.

В 1943 г. Бонхёффер был арестован и долго сидел в тюрьме Тегель безо всякого судебного процесса. К концу войны он находился в концлагере Флоссенбург; чтобы не дать ему возможности попасть в руки союзников, он был убит эсэсовцами (в 1945 г.).

б) Трудно в достаточной мере описать влияние Дитриха Бонхёффера в Евангелической Церкви сегодня. Оно сказывается в разных направлениях, тогда как многие члены общин выискивают один аспект деятельности Бонхёффера; более того, некоторые противопоставляют Бонхёффера, как провозвестника пути будущей Церкви, Бонхёфферу, «обращенному вспять», сталкивая таким образом Дитриха Бонхёффера с Дитрихом Бонхёффером. Однако, при наличии достаточной объективности, никто не может отрицать, что личность Дитриха Бонхёффера при всем многообразии своих импульсов все же явно отлита из одного металла, что разные линии его развития сходятся в едином центре.

По своему происхождению Дитрих Бонхёффер, так же как и Альберт Швейцер, был чрезвычайно одаренным отпрыском так называемого «культурного протестантизма», т. е. он положительно относился к науке и культуре своего времени. Поэтому, когда он отдался богословию, то почти само собою разумелось, что он решил представлять его на самом высоком научном уровне и заранее намстил себе университетскую карьеру. Конечно, для него было характерным то, что для своей докторской диссертации и в своих лекциях он обратился к понятию Церкви, а затем и то, что пожелал представить Церковь не как догматическое, отвлеченное понятие, а как связь экклезиологии «Тела Христова» Нового Завета с социологическим эмпирическим опытом. Его занимало «диалектическое богословие» Карла Барта с его требованием конкретного послушания в вере спасаемому слову Божию.

Как и многих других молодых пасторов и викариев его времени, борьба Исповеднической Церкви подвергла его очень большим испытаниям. То, что его богословие впоследствии было связано с его личными, найденными в вере и молитве жизненными решениями, определенно придало значительность и его дальнейшему богословскому развитию.

Эти жизненные решения привели его, как христианина Исповеднической Церкви, на путь лишений и к изменению жизненного пути, согласно требованию живого слова Божия, что для представителя «культурного протестантизма» вовсе не было само собою разумеемым.

Так, избранный совсем молодым в важнейшие екуменические органы в качестве члена с правом совещательного голоса, он с определенного момента практически отошел от сотрудничества с ними, потому что ему казалось, что этого требует от него верность делу, порученному ему Исповеднической Церковью — руководству проповеднической семинарией. Было необходимо основательно наладить эту работу, а частые отлучки, связанные с екуменическими делами, ей бы повредили; екуменические потребности не могли в его глазах сравниться с задачами, с которыми он один мог справиться в проповеднической семинарии. Только когда его Церковь явно требовала этого, он занимался и екуменическими делами, не чуждаясь, таким образом, екуменического движения.

Когда ему представилось необходимым повести пасторское служение и душепопечение в Церкви по новым путям, где общая жизнь (*vita communis*) «братьев» должна была сообщить им новую глубину жизни в чтении слова Божия и в размышлении, он отказался от дружбы с близкой ему молодой девушкой, поскольку обручение и бракосочетание показались ему в тот момент помехой основанию «братского дома» при проповеднической семинарии¹.

Когда труды для Исповеднической Церкви угрожали ему утратой высоких университетских степеней, он охотно отказался от научной карьеры в пользу служения Церкви. Ради них он никогда не шел на компромиссы.

Уже тогда, когда Дитрих Бонхёффер был екуменическим молодежным секретарем, его сердцу была близка деятельность для достижения международного мира. Он был убежден в том, что христианин не может проходить военную службу. Будучи убежденным пацифистом, он твердо решил отказаться от военной службы — особенно в государстве национал-социалистской диктатуры. От тяжелых последствий такого поведения друзьям удалось спасти его только тем, что они выхлопотали для него новое

¹ Позднее, незадолго до ареста, он обручился с нею, когда планы по устройству братского дома были сорваны вмешательством национал-социалистского правительства.

приглашение в Америку (1939 г.). Когда вспыхнула война, ему было бы лучше остаться в эмиграции. Однако Бонхёффер решил вернуться в Германию. Он был убежден в том, что, не разделив судьбу народа, он не мог бы уже больше проповедовать немецкому народу Спасителя и Искупителя Иисуса Христа, в Котором народ будет особенно нуждаться после своего совращения Гитлером и пагубных последствий этого совращения. В связи с этим он даже готов был повиноваться призыву на военную службу¹.

Последним шагом, которого потребовал у Дитриха Бонхёффера новый уровень его взглядов в условиях конкретной ситуации, было присоединение к движению Сопротивления с твердой целью свержения правительства и прежде всего устранения Гитлера. Как и для всех христиан, участников движения Сопротивления, это решение было для Бонхёффера очень тяжелым, ибо включало готовность к кровопролитию. Но он считал это своим долгом, когда ему сказали, что именно от него в данном случае потребуется. Тем самым он пришел к выводу, что могут быть такие ситуации, когда лучше уничтожить одного злодея гигантских масштабов, на руках которого запеклась кровь миллионов людей, особенно евреев Европы, чтобы избавить людей от дальнейших чудовищных преступлений этого выродка, чем, пассивно страдая, принимать такие убийства и преступления и тем самым допускать их совершение в дальнейшем. Однако при этом для Бонхёффера оставалось в силе изречение Иисуса: «Взявшие меч мечом погибнут», и он считал, что верующий, который в силу необходимости — из любви к ближнему — берется за меч, должен отнести это изречение к себе, почтя собственную возможную гибель от меча за суд Божий над раздором, человеческой злобой и агрессивностью. С таким настроением переносил он свое заключение в гестаповской тюрьме.

Я сказала, что богословское мышление Бонхёффера нельзя отделять от только что описанных жизненных решений. Испытания христиан Исповеднической Церкви в условиях фашистской диктатуры заставили его заново поставить вопрос о христианской этике. В своей книге «Die Nachfolge» (т. е. последование Христу) он считает этику Нагорной проповеди основой жизни христианина. Позднее ему стало ясно, что односторонняя ориентировка христианина на Нагорную проповедь в законническом духе может привести его к ложному отречению от мира, в гетто религиозной самоудовлетворенности. Поэтому во время войны — также и в тюрьме — он работал над такой этикой, в которой деятельность христианина в мире должна осуществляться по Божественному «мандату»; при этом многообещающим представлялось эсхатологическое размежевание этапов предпоследнего, как вклада в формирование и устройство мира, и последнего, как подготовки к предстоянию пред судом Христовым и к вхождению в Царство Божие. Тем самым христианам раскрывались глаза на мир без ослабления безусловности и категоричности божественных норм. Эта «Этика», листки из которой контрабандным путем выносились из тюрьмы, осталась в виде фрагмента.

Молитвенником для многих немецких евангелических христиан стали письма, которые Бонхёффер писал из тюрьмы и которые были изданы его другом Эберхардом Бетте под заглавием «Сопротивление и смирение». Здесь перед нами предстает 37-летний богослов, который казался бы в полной изоляции тюрьмы, чрез контакт с агностиками — с неверующими товарищами по заключению — пришел к новому переосмыслению задач христианства в «повзрослевшем», как он говорил, мире. Он бился тогда над вопросом, нельзя ли найти такой язык, которым можно проповедовать Христа человеку, применяющему всю силу своего творчества для строительства современного мира, не напоминая ему сначала в условной манере о болезни, страдании, смерти и всех теневых сторонах земной «юдолии». Он искал язык, свободный от традиционного, «религиозного» (в смысле Карла Барта) мира представлений и чувств, поскольку прежний язык многие современные люди больше не понимали и не ощущали. Такой язык должен был донести спасительное, освобождающее благовестие Иисуса Христа этим «повзрослевшим» людям без порабощающей опеки со стороны Церкви и проповедников.

При этом особенно важным было для него осознание того, что Божественный авторитет не требует никакого порабощения, никакого ущемления прав человека, но признание этого авторитета дает людям свободу перед лицом всех высокомерных, чисто человеческих авторитетов; что в условиях диктатуры лжи и вопиющего к небу бесчеловечного бесправия Бог помогает тому, кто не хочет убивать, лжесвидетельствовать или обкрадывать своего ближнего. Строгие заповеди Божии: «Не убивай», «Не произноси ложного свидетельства» и т. д. — в ушах человека, желающего оставаться порядочным и добрым в такой обстановке, которая принуждает его совершать как раз такие дела, звучат как утешение: «Тебе не нужно убивать», «Тебе не нужно произносить ложного свидетельства» — «Бог не хочет этого». Бонхёффер знал слабость и растерянность человека, подверженного насилью фашистской диктатуры. Он утешал его тем, что сам Иисус Христос влечет его к Себе, к Своему кресту и тем самым — к Своему воскресению. После годового праздника 1943 г. его друзья с особым воодушевлением читали окружное письмо Бонхёффера, дававшее обзор десяти лет гитлеровского господства. В этой статье «Десять лет спустя» он спрашивал о причи-

¹ Этот призыв потом не состоялся. Был призван его ближайший друг, который и прошел эту службу.

нах «глупости» столь многих исмешких современников, которые либо не видели преступлений нацистского режима, либо не хотели видеть, либо считали их необходимыми для своего народа, либо и вовсе не считали их преступлениями. Бонхёффер считает, что «глупость» эту следует объяснять не с физико-биологических позиций, а только с богословских, как нечто такое, что раньше называли «ослеплением». Безответственному рабству такого ослепления он противопоставлял «чудесную свободу чад Божиих», которую он засвидетельствовал в стихотворении, написанном тоже в тюрьме. Это стихотворение представляет собою совершенно личную краткую исповедь всех его исканий христианского образа жизни в современном мире.

Веги на пути к свободе

Дисциплина

Если ты хочешь свободу найти, научись-ка сначала дисциплинировать чувства и душу свою, дабы страсти, так же как члены твои, не швыряли тебя произвольно. Пусть целомудренны будут и тело, и дух твой, чтоб полностью только лишь тебе одному они подчинялись, чтоб в послушании стремились к цели, поставленной свыше. Тайну свободы никто не познаёт, коль нет дисциплины.

Деяние

Смело лишь правду творить, а не то, что придется на выбор, храбро реальное взять, а не плавать в пределах возможных. Нет, не в побеге от мыслей свобода, а только в деянье. Прочь колебанье трусливое! В бурю событий бросайся, лишь опираясь на заповедь Божью и веру свою, — и с ликованием твой дух сразу обнимет свобода.

Страдание

О, превращение дивное! Сильные руки твои связаны, обречены на безделье. Бесильно зришь ты на финал своих дел. Но, вздохнувши свободно, вручаешь правду спокойно, уверенно в более сильные руки, этим довольствуясь. Пусть же одно лишь хотя бы мгновение ты прикоснулся к блаженной свободе и тотчас, немедля Богу ее перedal, дабы Он завершил ее славно.

Смерть

Смерть — торжество величайшее, вега к вечной свободе! О, приходи, низложи тяжелье цепи и стены нашего смертного тела и нашей души ослепленной, чтоб наконец нам узреть то, что нельзя было здесь. Свобода! Тебя в дисциплине, деянье, страданье мы ищем. Лишь умирая, тебя познаём мы в Божественном лике¹.

Профессор-протоиерей Ливерий ВОРОНОВ (Ленинград)

КРЕЩЕНИЕ И ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К ЦЕРКВИ. ВЗГЛЯД НА СОСТОЯНИЕ НЕКРЕЩЕННОГО ЧЕЛОВЕКА (По учению святых отцов до IV—V в.)

Вопрос о крещении как благодатном акте сочетания обращенного и уверовавшего человека со Христом Спасителем в теле Его Церкви привлекал к себе внимание еще древних богословов II—III вв. Как видно из их творений, для них были совершенно несомненными следующие истины:

1) Чтобы спастись, человек должен вступить в теснейшее общение со Христом, в Личности Которого, как в источнике, сосредоточены все приобретенные Им в искупительном подвиге необходимые для нашего спасения блага и дары.

2) Личное спасение верующего совершается не чрез одно лишь непосредственное нравственное единение индивидуума с Искупителем, но чрез таинственно-благодатное вхождение и последующую жизнь в оживотворяемом и одушевляемом Духом Святым теле Церкви, Главой (т. е. постоянным и неотъемлемым живым Основанием) которой является Богочеловек Господь Иисус Христос.

3) Господу угодно было указать и завещать единственный способ вхождения в тело Церкви Христовой — таинственный акт крещения водою и Духом Святым.

В свете этих фундаментальных догматических положений приобретают живой интерес все многочисленные подробности древнецерковного святоотеческого понимания и учения о таинстве крещения как о «вратах в Церковь».

Св. Иустин Мученик, упомянув о действиях Слова и Духа пророческого в Ветхом Завете, следующим образом подчеркивает качественно новый характер благодатствования людей в Новом Завете: «Святой Дух почил, т. е. перестал (действовать), когда пришел Тот, с явлением Кого... Он должен был на время удалиться», чтобы, «почив на Нем (Иисусе Христе), снова, как предсказано... сделаться да-

¹ Д. Бонхёффер. Изд. «Этика», 1949, с. 3.